

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ШКОЛЫ И ТРАДИЦИИ

А. С. Козлов*

КОМИТ МАРЦЕЛЛИН И ЕГО «ХРОНИКОН» В ИССЛЕДОВАНИИ Б. КРОУКА

О КОМИТЕ МАРЦЕЛЛИНЕ, авторе написанного на латыни «Хроникона», чьи данные давно активно используются исследователями поздней античности, мы знаем крайне мало. Несколько строк из сочинений Кассиодора, плюс – та косвенная информация, которую можно выявить из самого «Хроникона». Степень же этой выявляемости зависит, естественно, от изощренности методики, применяемой специалистом. Однако Марцеллину не везло. Трудов, посвященных именно ему и его летописи до последнего времени не выходило (глубокие источниковедческие статьи, где, наряду с сообщениями иных позднеантичных авторов, анализировались и его информация – не в счет). Тем интереснее представляются современные изыскания австралийского ученого Б. Кроука.

Профессор Брайен Кроук известен, прежде всего, как крупный специалист по позднеантичному историописанию. Еще в 70-е гг. прошлого века (в том числе – в диссертации, защищенной в Оксфорде в 1978 г.) он разрабатывал сюжеты, основывающиеся на глубоком изучении «Хроникона» комита Марцеллина как весьма яркого памятника эпохи Юстиниана I¹. В 1995 г. Кроук осуществил републикацию этого сочинения, сопроводив ее английским переводом и обширным комментарием². Вышедшая же в начале нашего века монография (B. Croke. Count Marcellinus and His Chronicle. Oxford: University Press, 2001. XVI + 300 p.) – закономерный результат, во-первых, многолетнего тщательного анализа марцеллиновых реалий, как исторических так и литературных, и, во-вторых, – во многом

---

* Козлов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета имени А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Обращаю внимание на превосходное издание статей исследователя: Croke B. Christian Chronicles and Byzantine History, 5th – 6th Centuries. L., 1992.

² Croke B. The Chronicle of Marcellinus. A Translation and Commentary. Sidney, 1995. Кроук тактично подчеркивает, что в основе этого издания лежит публикация «Хроникона», выполненная 1894 г. Т. Моммзеном. В настоящей статье, привлекая данные Марцеллина, я ссылаюсь именно на нее (Marcellini comitis Chronicon // MGH AA. T. XI. Vol. 2), не называя сочинения, но указывая соответствующий его раздел – annus (a.).

удачная попытка определения места «Хроникона» в позднеантичном и ранне-средневековом нарративе.

Видимо есть какая-то закономерность в том, что в последние десятилетия именно англоязычная историография сделала заметный вклад в изучение греко – и латиноязычных хроник IV–VI вв. Достаточно упомянуть таких ученых как А. А. Мосхаммер, С. Малбергер, Р. В. Берджесс и особо – австралийских коллег, известных специалистам по истории ранней Византии, прежде всего, своими изысканиями в творчестве Иоанна Малалы (Е. М. Джеффрис, Р. Скотт и тот же Б. Кроук). Все отмеченные исследователи активно развивают мысль, до них высказываемую весьма спорадически и достаточно робко, – о том, что позднеантичные лапидарные летописи – это отнюдь не побочные и второсортные по качеству порождения историографии переходного периода, а результат генезиса вполне самостоятельной литературной традиции, обладающей иными, чем у предшествующих и современных им «историй», познавательными задачами.

Монография Кроука о комите Марцеллине и его «Хрониконе» – труд, вполне вписывающийся в эту концепцию. Примечательна сама постановка его целей: экстенсивное исследование персоны автора и его труда; определение их места в историографическом контексте; презентация, с одной стороны, некой модели для исследования и оценки позднеантичных хроник вообще, а, с другой стороны, обеспечение базиса для более всестороннего анализа природы и функций хроник как способа интерпретации прошлого и представлений о нем. Таким образом, Кроук надеется подчеркнуть важность христианских хроник как литературного жанра и порвать с традицией рассмотрения их как *an inferior form of history*. Что касается конкретно Марцеллина, то сразу же следует сказать, что австралийский исследователь всей логикой и содержанием своей книги стремится показать неосновательность прежних суждений об авторе «Хроникона» как о второразрядном историописателе ограниченных способностей. Действительно, совокупность трудов Евсевия, Иеронима и иных отцов тогдашней церкви, проявивших себя в хронистике, отнюдь не характеризует их как малозначимых писателей. Так и наличие у Марцеллина других работ (*de temporum qualitatibus et positinibus locorum* и о топографии Константинополя и Иерусалима), высоко оцененных Кассиодором³, плюс – сам характер карьеры Марцеллина в правление Юстина I и Юстиниана I⁴, – все это показывает, что автор «Хроникона» отнюдь не был интеллектуально ущербен. Скорее, здесь целесообразен иной подход – сама позднеантичная хронистика должна быть рассматриваема как жанр, дистанцированный от литературных форм, включающих в себя признаки *historia*. Кроук считает, что

---

³ *Cassiodori M. A. Senatoris Institutiones* / Ed. R.A.B. Mynors. Oxford, 1937. I. 17.1; 25.1.

⁴ Кроук посвящает первую главу своей монографии дотошному анализу всех немногочисленных прямых и косвенных данных, способных осветить личность Марцеллина и появление его труда. Основные наши знания по этому поводу, в принципе, остаются прежними: Марцеллин, латиноязычный иллириец по происхождению (как и его земляки, будущие императоры Юстин I и Юстиниан I), прибыл в Константинополь в конце V – начале VI в., в 20-е гг. VI в. получил пост в канцелярии Юстиниана (когда тот стал патриархом), где и приобрел титул-ранг комита и титул *clarissimus*; на годы его службы приходится первый этап работы над «Хрониконом», который, как продолжение хроники Иеронима, охватил события с 378 по 518 гг.; позднее Марцеллин вернулся к своему сочинению, зафиксировав в нем события до 534 г. Неизбежность множества гипотез и спекулятивных допущений при исследовании персоны хрониста и написания его труда отметил в своей рецензии на монографию Кроука Х. А. Дрейк (*Journal of Early Christian Studies*. 2003. Т. 11. No 1. P. 118).

это был жанр, в котором авторы стремились не исследовать историю своего времени, но, в соответствии с историко-теологическими формулами, разработанными патристикой, показывать результаты осуществления providentialного плана в прошлом и настоящем.

В определенной степени разделяя такое мнение, я полагаю его, все-таки, упрощенным, о чем скажу ниже. Пока что, в связи с проблемой значения труда Марцеллина для традиции историописания, отмечу, что монография Кроука, прежде всего, наглядно демонстрирует ошибочность мнений о незначительности «Хроникона» в историографической ткани поздней античности и раннего средневековья. Так, в предпоследней главе книги («The Chronicle's Afterlife») специально исследуется влияние этого труда на историографическую традицию Запада, прежде всего – на нарратив конца VI–VIII в., а также на ирландские анналы, Беду Достопочтенного, англо-саксонскую хроникальную традицию и другие средневековые тексты. Можно согласиться с предположением Кроука, что западноевропейские интеллектуалы познакомились с «Хрониконом» довольно быстро благодаря рекомендации Кассиодора. В то же время нельзя не отметить уместность осторожности исследователя в определении степени использования конкретными раннесредневековыми авторами фактологии Марцеллина, так как определение это предполагает многочисленные специальные историко-филологические изыскания⁵. И здесь крайне важно следующее соображение: несомненно византийское по содержанию и по сути, сочинение иллирийца Марцеллина, будучи продолжением хроники Иеронима, написанным на латыни, обрекало себя на большую популярность на Западе, нежели на грекоязычном постюстиниановском Востоке.

Следует, однако, заметить, что в Константинополе VI века существовала очень серьезная латиноязычная этносоциальная среда, способная создать условия для умножения числа подобных сочинений и способная к их активному восприятию. Речь идет об общинах выходцев из Италии и романских областей Иллирика (какая-то из последних была, как известно из слов Кассиодора, родиной Марцеллина). Главы 2 и 3 первой части монографии Кроука («Марцеллин и Иллирик», «Иллирийцы в Константинополе») представляют мне расширяющими наше понимание не только многих пассажей «погодных рассказов» «Хроникона», но и характера столичного населения Византии эпохи Юстиниана (хотя к этому сюжету византинисты обращались неоднократно, – предпочитая заниматься, однако, его социальным, а не этническим аспектом⁶). Естественно, решающее значение для Кроука в данном ключе оказывается рассмотрение такого подбора Марцеллином фактологического материала для своего сочинения, когда иллирийская тематика оказывалась бы довольно заметной (что отвечало интересам

⁵ Парадоксально, но в одной из своих статей, вышедших уже после публикации рецензируемой монографии, Кроук, характеризуя латинскую историографию Запада VI в., в том числе и ее источники, упомянул комита Марцеллина всего один раз – как один из источников Иордана (*Croke B. Latin Historiography and the Barbarian Kingdoms // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco. Leiden, Brill, 2003. P. 364*).

⁶ См., напр.: *Jacoby D. La population de Constantinople à l'époque Byzantine: un problème de démographie urbaine // Byz. 1961. T. 31. P. 81–109*; *Beck H.-G. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt // BZ. 1965. Bd. 58. S. 11–45*; *Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 112–113, 134, 148, 158*; *Чекалова А. А. Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986. С. 31–78*.

его потенциальной столичной аудитории). Здесь и набор положительных эпитетов, адресованных в «Хрониконе» магистру иллирийских войск Савиниану Магну, и эмоциональное описание поражения на реке Тзурта (от болгар) магистра иллирийских войск Ариста и более четырех тысяч «наших»: «так и погибла иллирийская военная доблесть» (а.499.1)⁷. Конечно, Кроук обращает внимание и на зафиксированную «Хроникон» попытку императора Анастасия оказать давление на пятерых православных епископов Иллирика (хронист опять-таки приводит их имена). Тем не менее, я абсолютно солидарен с австралийским коллегой в констатации факта, что в «иллирийских пассажах» Марцеллина военно-политическая тематика решительно преобладает⁸. Безусловно, аудиторию Марцеллина весьма волновала судьба тех областей Иллирика, которые подверглись в V–VI вв. набегам гуннов, готов, болгар. Многие переехали оттуда в столицу наверняка из-за этих бедствий (Кроук высказывает предположение, что Марцеллин сам оказался одним из таких мигрантов, – отсюда его болезненность в преподнесении подобных сюжетов). Но в данном случае, думаю, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Мне представляется весьма важной констатация Кроуком крайней географической и административной неоднородности позднеантичного Иллирика, простирающегося от Нижнего Дуная (Дакия, Паннония, Далмация, Дардания, Мезия I Praevalitana) до Крита (Македония I и II, Эпир – Старый и Новый, Ахайя, Фессалия). Но в этой связи интересно, что хотя «Хроникон» начинается с фиксации воцарения на Востоке Феодосия I, скольконибудь значительные сообщения системного характера о судьбах именно Иллирика начинаются лишь с описания гуннского вторжения 441 г. Более того – упоминания административных, топонимических и прочих реалий, соотносимых обычно с Балканами, до данного пассажа редки и никакой системы не образуют. Даже Греция упомянута всего один раз – туда временщик Руфин направил короля готов Алариха, сделав его «небезопасным для государства» (а.395.4); о бедствиях, причиненных тогда Элладе (наиболее красочно и подробно о них рассказал Зосим)⁹, Марцеллин не сообщает вообще. Мимоходом упомянута Фессалоника – в ней, возвращаясь в Италию из Константинополя, после женитьбы на Евдоксии, перезимовал император Валентиниан (а.437). Дважды фигурирует в примечательных для хрониста событиях омывающее Балканы море: между Херсонесом и Геллеспонтом происходит морская битва между имперским флотом и мятежником Гайной (а.400); на следующий же год Понтийское море было так сковано льдами, что по Пропонтиде потом плыли ледяные нагромождения (а.401.2). Среди такой художочной регионально-географической информации несколько выделяется группа сведений, касающаяся такой соседки Иллирика как Фракия. Эту страну, на которую напал некий неприятель, защитил император Феодосий (а.386.1), изображаемый хронистом как защитник границ империи, гарант ее стабильности, «муж весьма религиозный, распространитель правоверной церкви, а потому достойный быть поставленным выше всех восточных государей...»

---

⁷ Примечательно, добавлю, что данный сюжет – один из немногих, где хронист перечисляет имена павших в битве восточно-римских командиров.

⁸ См.: Козлов А. С. Балканы в V – середине VI в. в изображении комита Марцеллина // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 57–59.

⁹ См.: Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. V, 5.4–7. Об этих фактах в восприятии западного, не менее информированного автора, Клавдия Клавдиана, см.: Cameron A. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970. P. 71–74.

(а.379.1)¹⁰. Заявление для Марцеллина – очень сильное, если иметь в виду эпитеты в адрес Юстиниана, употребляемые, во-первых, при описании его построек, которые сей «победоносный государь» воздвиг «по обыкновенному великодушию своему» (а.528), – а, во-вторых, при противопоставлении этого «благочестивейшего государя» «тиранам» Ипатию, Помпею и Пробу (описание восстания Ника – а.532). Отмечу, что последний эпитет вполне сопоставим с характеристиками действий юстиниановых земляков – иллирийских епископов, пострадавших от антиправославной политики императора Анастасия. Поэтому очень соблазнительно видеть в вышеотмеченной характеристике действий Феодосия скрытый намек Юстиниану – достичь величия Феодосия, причем не только активной защитой правопорядка, но и обороной имперских территорий, что, казалось, начинает воплощаться в жизнь (экспедиции Мундона в Иллирике и во Фракии). Недаром после упомянутого рассказа о защите Феодосием Фракии именно эта территория в скором времени фигурирует как единственно конкретная провинция Балкан, разоренная гуннами (а.422.3). Далее сообщения «Хроникона» о негативных для этой страны событиях (до воцарения Юстиниана) постепенно нарастают в числе.

Я полагаю, что для понимания хорошо прокомментированных Кроуком фактов нашествий варваров на Иллирик важно не только определение конкретных провинций, испытавших эти бедствия и, возможно, связанных с личной судьбой Марцеллина. Весьма существенным представляется контекст подобных пассажей. Еще раз повторю – впервые Иллирик упомянут Марцеллином при описании вторжения в него гуннов в 441 г. Особое отношение хрониста к этому сюжету просматривается в следующих обстоятельствах. С одной стороны, сообщение помещено в ряду из трех близких по содержанию рассказов, из которых первый – о вторжениях в империю персов, сарацинов, тзаннов, исавров и гуннов (с ними на один год заключили мир магистры войск Анатолий и Аспар), а второй – о гибели во Фракии (из-за происков Арнигискла) магистра войск Иоанна; примечательно, что только в «иллирийском пассаже» присутствуют наименования поселений, оказавшихся жертвами войны, – «Наис, Сингидун и другие города и многочисленнейшие городки» (а.441.3). С другой стороны, отсутствие в «Хрониконе» каких-либо упоминаний Иллирика до фиксации этой трагедии должно вызвать вопрос – почему так? Не менее примечательно, что под следующим годом помещена информация об опустошениях Иллирика и Фракии царями Бледой и Аттилой, плюс – предваряющее эту информацию сообщение о явлении в небе мохнатой, долго пылавшей кометы (а.442) (зафиксированной также испанцем Идасием¹¹), явном знамении крупных несчастий¹². Подобная манера преподнесения «иллирийского материала» поднимает его до универсального, общеимперского уровня. То, что Марцеллин придает гибели Савиниана Магна также универсалистское значение, делает оба сюжета работающими в едином ключе, подчеркивающими весомость Иллирика в пределах империи. Подтверждается такое наблюдение и тем, что только при описании очередных бедствий этих провинций (подвергнутых вторжениям конных гетов, которые опустошили Македонию, Фессалию и дошли до Фермопил и Эпира) хронист единственный раз во всем своем сочинении апеллирует к Библии, а именно – к знаменитому месту из книги Иеремии о грозном народе, идущем из Северной страны (Иеремия. 6,22), кото-

¹⁰ См.: Kozlov A. S. Valoraciones sociales de Marcelino comes // Erytheia. 1994. Vol. 15. P. 41–42.

¹¹ MGH AA. T. XI. Vol. 2. P. 24.

¹² См.: Grumel P. La chronologie Byzantine. P., 1958. P. 470.

рый в данном случае ранил «наибольшую часть Иллирика» своими дротиками (а.517). Экспрессивное обращение к пророчеству Иеремии органически дополняется последующим рассказом – о подробностях землетрясения, обрушившегося на провинцию Дарданию, где «в одну минуту обрушились двадцать четыре крепости» (следует мрачное перечисление деталей, позволяющее думать о прекрасной осведомленности хрониста). Особенно выделяет Марцеллин жуткую судьбу города Скуп и его жителей, а также крепости Сарнонтон. Землетрясение породило пропасть шириной в двенадцать футов и длиной на тридцать тысяч шагов, – куда падали жители укреплений, бегущие и от обрушивающихся скал и от врагов, продолжавших свои вторжения (а.518.1).

Черта под описаниями бедствий Иллирика (большая часть которых как трудно заметить, приходится на правление таких малопочтенных для хрониста императоров как Зинон и Анастасий) подводится при описании действий магистра иллирийских войск Мундона. Он «первым из всех римских командиров напал на гетов, ранее споро разъезжавших по Иллирику, и тех, немногих из них, кои не были уничтожены, обратил в бегство». Затем сей отважный командир поспешил во Фракию и победил грабивших ее булгар (а.530). Опять-таки следует отметить на характер сюжетов, в обрамлении которых находится рассказ о Мундоне. Под 527 г. хронист помещает сообщение о том, как Юстин I делает своим соправителем Юстиниана, под 528 – восторженный рассказ о постройках Юстиниана в столичном цирке, под 529 – не менее мажорную информацию о подготовке победоносных войн на Востоке (с «парфянами») и в Африке (с вандалами). После рассказа о подвигах Мундона следует сообщение об объявлении «роду человеческого» кодекса Юстиниана.

Отсюда вполне можно согласиться с Кроуком, что яркие описания бедствий Дардании способны быть свидетельством особого равнодушия к ней Марцеллина. Возможно, это действительно была его родина. С другой стороны, есть смысл видеть в характере освещения политики Юстиниана в первые годы его карьеры и царствования проявление надежд иллирийской общины Константинополя не только на пресечение набегов варваров на Иллирик, но и на улучшение положения империи в целом. И здесь, можно полагать, есть выход еще на одну проблематику «Хроникона», которую Кроук затрагивает лишь отчасти, но которая может оказаться весьма существенной для понимания мировоззрения Марцеллина и характера материала его сочинения. Речь идет о месте позднеантичного города в миропонимании анналиста, о характере освещения хроникой такого первостепенного для тогдашнего общества явления как *civitas*.

Дело в том, что даже когда Марцеллин описывает вторжения варваров в империю (Кроук, повторяю, абсолютно верно подмечает пристрастие хрониста к констатации подобного бедствия на иллирийском материале), он говорит (если исключить именно иллирийские сюжеты) прежде всего о крупных *civitas*, разорение которых заслужило особого упоминания как наиболее болезненное для тогдашнего общества. В «Хрониконе» 30 сообщений о вторжении в империю каких-либо врагов, – т. е. довольно немного по сравнению с числом пассажей, касающихся внутренних имперских усобиц и превратностей церковной жизни. Из этих рассказов только 12 говорят об опустошениях и захватах варварами *civitas*, в том числе – Аквилеи (а.452.3), Рима (а.455.3), Лариссы (а.482.2), Амиды, ряда городов Сирии, в том числе – Антиохи (а.502.2; 503; 540.1-2). В большинстве других случаев речь идет о захвате и разорении конкретных *территорий*, о вторжениях в какую-то провинцию или о прохождении варваров по ней.

Сосредоточено внимание хрониста на крупных *civitas* и при рассказах о городских пожарах. Последние зафиксированы 14 раз, причем в одном случае это описание пожара в Антиохии (а.526), в остальных речь идет о Константинополе.

Кроук превосходно понимает место столицы Византии в жизни и взглядах хрониста, и глава «*Marcellinus and Constantinople*» абсолютно логично следует в его изысканиях за иллирийскими сюжетами. Многие наблюдения здесь сходны с теми, которые я сделал в статье 1992 г.¹³ Действительно, помимо драматических событий на Балканах в целом, факты имперской жизни, связанные с Константинополем, занимают центральное место в его труде. Это не просто место, где создавался «Хроникон», что, безусловно, повлияло на информативную наполняемость сочинения. Кроук тщательно выявляет и систематизирует все соответствующие реалии, сообщаемые Марцеллином, – события религиозной жизни, имперские юбилеи и судебные решения, исторические памятники города, затронувшие его природные и социальные бедствия, достаточно подробные характеристики политики императоров, особенно современников хрониста, в отношении столицы. Все эти факты и их оценки создают систему которая не просто создает полнокровный образ главного центра Восточной Римской империи, но и приводят к важным выводам относительно взглядов Марцеллина. Кроук делает акцент на характере этих сообщений как на определенной форме рефлексии латиноязычных общин Константинополя, чьи интересы оказываются, прежде всего, связанными с этим городом, – подход, в «марцеллиноведении» не абсолютно новый¹⁴, однако максимально фундированный и конкретизированный. Очень важно наблюдение, подкрепляющее этот тезис: в рассказах, помещенных под 519–534 гг. (и совпадающих со вторым этапом работы хрониста над своим сочинением) практически нет пассажей, обращенных к событиям за пределами столицы Востока, – что еще раз доказывает, по мнению Кроука, ранневизантийский характер, восточно-римскую ориентированность «Хроникона» (несмотря на ее латинский язык и последующий успех, прежде всего, на Западе). Я бы добавил, что данный факт (как и в целом характер преподнесения Марцеллином явлений, связанных с *civitas*) прежде всего отражает специфику социально-политических взглядов на империю, Константинополь и позднеантичный город (реалии взаимосвязанные и взаимодополняющие), типичных для византийца данного времени. Ведь средний и малый город в «Хрониконе» просматриваются плохо, да и то в основном на конъюнктуром для Марцеллина иллирийском материале. Наибольшим вниманием хрониста пользуется на просто крупный город (добавлю – последний социальный резерв поздней античности), но именно Константинополь. В совокупности подобных взглядов можно видеть особый позднеантичный патриотизм, предполагающий переплетение симпатий к столице империи и к своей «малой родине» (в данном случае – к конкретным районам и *civitas* Иллирика).

В этой связи уместно отметить, что, посвятив отдельную главу во второй части книги анонимному Продолжателю Марцеллина (термин, введенный Кроуком еще в диссертации), чей труд в оксфордской рукописи VI в. следует за «Хрониконом» и, начиная с событий 534 г., доводит их фиксацию до 548 г., ис-

¹³ См.: Козлов А. С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 46–55.

¹⁴ Еще О. Хольдер-Еггер, полагавший «более чем вероятным», что Марцеллин написал свое сочинение в Константинополе, отметил: «его интерес привлекают, прежде всего, события, которые касаются этого города» (*Holder-Egger O. Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts // Neues Archiv der Gesellschaft für älteste deutsche Geschichtskunden. Hannover, 1877. Bd. 2. S. 54*).

следовател, в целом следуя за Т. Моммзеном, отмечает гораздо большее внимание этого летописца, в сравнении с Марцеллином, к западным делам¹⁵. К Константинополю Продолжатель также испытывает пиетет, но место ему в своих записях уделяет достаточно скромное. Кроук считает, что анонимный автор отражал взгляды той части императорского двора (в значительной мере – аристократии), которая была заинтересована в активизации италийской политика Юстиниана; возможно, что хронист даже побывал в Италии и пользовался там соответствующими источниками¹⁶. Рассматривая гипотезы относительно личности Продолжателя, Кроук склоняется к предположению о причастности его к одной из италийских общин Константинополя. В этой связи мне представляется весьма интересным и убедительным несогласие австралийского коллеги с ранее принятым взглядом на тесную связь этого хрониста, прежде всего, с западной историографической традицией, в том числе – с традицией Кассиодора и Иордана. Кроук показывает, что Кассиодор, скорее всего, был незнаком с этой хроникой (и потому она вряд ли была написана до 554 г., когда Кассиодор покинул столицу Византии). Что до Иордана, то в своей «*Romana*» он вполне мог использовать для описания соответствующих событий источник, которым пользовался и Продолжатель. Таким образом, существующие свидетельства позволяют установить между «*Romana*» и хроникой лишь поверхностную связь.

Возвращаясь к тому, как Кроук раскрывает самую интересную, на мой взгляд, проблему своих изысканий – проблему специфики позднеантичной хронистики как историко-культурного явления (что ярче всего раскрывает методику исследователя), – я считаю необходимым обратить внимание на раздел «*Chronicle writing in Late Antiquity*», где детализируется процесс создания позднеантичной хроники¹⁷. Глава представляет собой сочетание высокого по качеству краткого введения в характеристику этого литературного жанра, базирующуюся на широком спектре наблюдений специалистов, и экспертизы предмета жанра, принадлежащей самому Кроуку. По его мнению, используя в качестве отправного материала достижения эллинистической хронологии и практику составления римских консульских списков, христианские интеллектуалы, начиная с Евсевия, были озабочены созданием такой художественной формы, которая объясняла бы исторические события в свете реализации божественного провидения. «Хроникон» Марцеллина следует типичным хронографическим схемам, которые составлялись рядом летописцев V–VI вв. Все хроники, и греческие и латинские, как известно, писались с использованием уже существующих трудов таким образом, чтобы продолжить и приспособить их данные к принятому на данный момент формату христианской анналистики. Работа Марцеллина, полагает Кроук, не отклоняется от этой схемы, так как продолжает труд Иеронима, и самый ранний манускрипт, содержащий ее и датируемый столетием составления «Хроникона» (оксфордский *Codex Tilianus*), включает в себя и хронику Стридонца. Я считаю, что такого рода аргументацию можно существенно углубить, учитывая специфические свойства жанра позднеантичной хроники.

Прежде всего, весьма конструктивно было бы рассматривать знаменитые слова Мацеллина «*ego vero <...> dumtaxat computatione computatione <...> per*

---

¹⁵ Ср.: Козлов А. С. О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 30–33.

¹⁶ Ср.: Croke B. The Chronicle of Marcellinus. P. XXV.

¹⁷ См. по этому поводу также: Croke B. The Origins of the Christian World Chronicle // History and Historians in Late Antiquity. Sydney, Oxford, New York, Toronto, Paris, Frankfurt, 1983. P. 116–131.

indictiones perque consules infra scriptos centum quadraginta annos <...> eorundem actorum opri subrogavi» (Praef. – MGH AA. T. XI. Vol. 2. P. 60.8–12) не как показатель его зависимости от Евсевия и Иеронима, а как заявление о признании (вслед за этими авторами) такой непрерывности хода истории, которая подразумевает в качестве организатора историописательного материала линейное время. Последнее, как известно, предполагало возможность периодизации истории, исходящую из идеи «провиденциального плана» и временной природы творения. Основное следствие утверждения такого принципа при создании позднеантичных хроник – отсутствие необходимости в четкой и непротиворечивой концепции труда¹⁸, – хотя бы потому, что материал в сочинении организуется не по тематическому, а по хронологическому принципу. Поскольку в хронике нет четкой концепции истории, то нет и возможности для придания полноценного единства разрозненным региональным историям, связь между ними организуется только хронологией, основным проявлением монотонного потока времени. Отсюда – и невозможность выявления позднеантичными христианскими хрониками как особым жанром историописания качественных (позитивных или негативных) изменений в региональных или мировых явлениях. Отсюда – и нечеткость (в сравнении с историками) отношения хронистов к тем или иным событиям, даже если наиболее драматичные из них приходятся на один год (весьма заметна, например, скромность эмоций Марцеллина в рассказах о Халкидонском соборе, о мятежах в правление Зинона, о восстании Ника и т.д., – хотя этот эмоциональный уровень значительно превосходит тот, что наблюдается у Евсевия и Иеронима). Наконец, дистанцированность от тематической организации материала предполагает помещение в хронике под одним годом событий, относящиеся к более продолжительному времени¹⁹. Однако очень важно отметить, что отступления Марцеллина от хронологического принципа изложения материала в погодной записи нередки, хотя они и носят чаще всего характер либо краткого экскурса, либо мимолетного замечания. Таковы, например, указания на продолжительность pontifikата римских пап (a.383.1; 398.1; 402.1; 417.3; 420.1; 423.1; 432.1; 440.2; 461.1; 467.2; 482.1; 494.3; 498.1; 500.1; 515.1), на воздвижение в Константинополе колонны со статуей Феодосия I, которая «созерцается до сих пор» (a.390.3), на стягивание Арбогастом войск в Галлию «после того как император Валентиниан был умерщвлен, а Евгений сделался цезарем» (a.392.1), на поход Феодосия против Арбогаста, «который отважился сделать тирана Евгения императором» (a.394.1), на установку в Константинополе колонны со статуей Евдоксии, супруги императора Аркадия, которая стоит там «до сих пор» (a.403.2), на исаврийскую войну в начале правления Анастасия, которая длилась шесть лет (a.492) и т.п. Классическим примером ретроспекции с одновременным «забеганием» вперед при описании значимого события, что обеспечивает рассказу тематическую форму, является

¹⁸ На такое свойство анналов Евсевия-Иеронима обратил внимание В. М. Тюленев, считая его, однако, одной из причин того, что эта хроника «серьезно уступает подлинной истории, как ее понимали в античности, она отстоит от образцов историографического жанра даже дальше, чем произведения позднейших продолжателей Иеронима, в чьих хрониках сообщения о событиях нередко обретают формы новелл, исторических рассказов, построенных с учетом причинно-следственных отношений» (Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 77–78).

¹⁹ Таковы, например, описания Марцеллином деятельности Феодосия I (a.379), мятежа Гильдона в Африке (a.398.4), вторжений персов, сарацинов, тзаннов, исавров и гуннов начала 40-х гг. V в. (a.441.1), а также большинство сообщений, содержащих элементы агиографического характера, о которых будут сказано ниже.

финал сообщения о низложении Одоакром Ромула Августула: «С этим Августулом на пятьсот двадцать втором году царствования былых императоров погибла Западная империя римского народа, которой первым из Августов на семьсот девятом году от основания города начал владеть Октавиан Август. После этого Римом до сих пор владеют короли готов» (а.476.2).

Поэтому, я полагаю, отсутствие в *praefatio* позднеантичных хроник (в том числе и у Марцеллина) попыток заявить какую-либо концепцию истории говорит не о неспособности к теоретизированию (пусть даже на вульгарно-теологическом уровне), а о том, что хроники не рассматривались в IV–VI вв. как исторические сочинения в том смысле, какой вкладывался в современные им труды типа «церковных историй» Евсевия, Руфина Аквилейского, Сократа Схоластика, Созомена и других, – не говоря уже об исторических сочинениях Аммиана Марцеллина, Зосима, Прокопия Кесарийского и Феофилакта Симокатты. Недаром Кроук, исследуя в главе шестой, «Constructing the Chronicle», хронографическое построение текста Марцеллина, прежде всего, обращает внимание на то, что любой автор, если ему приходилось работать в весьма специфичном жанре христианской хроники, стремился приспособить императивные свойства жанра к своим конкретным нуждам. Но, не учитывая в полной мере представлений IV–VI вв. о свойствах линейного времени, не имеющего уловимых человеческим разумом перерывов и предполагающего крайнюю легкость в прекращении написания любой хроники, Кроук при вычленении этапов составления «Хроникона» (два из них лежат на поверхности: один – когда рассказ бы доведен до событий 518 г., другой – фиксация произошедшего до 534 г. включительно), вынужден делать немало частных гипотетических построений относительно мотивов хрониста. То же самое относится к выявлению отличительных свойств хронологической структуры «Хроникона», уровня его зависимости от материала предшествующих анналов (особенно – от не дошедшего от нас сочинения, которое Кроук называет «*City chronicle of Constantinople*»²⁰), характера выборки информации из источников, определить который можно опять-таки с разной степенью эффективности.

Все вышеотмеченные наблюдения относительно организации материала позднеантичной хроники касаются и проблематики ее стиливого, литературного оформления. Я уже отмечал, что Кроуку чужда мысль о предназначенности такого рода творений малограмотным слушателям. Считаю нужным добавить, что фразы Марцеллина по своей структуре просты и компактны, для них характерно использование преимущественно существительных, глаголов и причастий, – при сравнительной редкости риторических украшений и эпитетов. Отсутствует прямая речь персонажей. Но это – показатель сознательного выбора стиля, соответствующего жанру, а не свидетельство уровня образованности автора или его аудитории. Когда мы видим в некоторых пассажах «Хроникона» слабую дань риторике, то это, как правило, прием для христианской интерпретации каких-то особо ярких событий (например – характеристика усилий Феодосия I по обеспечению стабильности Восточной части империи или описание исчезновения императорской власти на Западе в 476 г.).

В целом для Марцеллина характерна тенденция избегать развлекательно-драматических эпизодов, но она не абсолютна, – иногда монотонное повествование разбивается короткими историями с аксессуарами, типичными для агиогра-

---

²⁰ Ср.: *Holder-Egger O.* Untersuchungen... S. 73–78; *Croke B.* *City Chronicle of Late Antiquity // Reading the Past in Late Antiquity / Ed. G. Clarke, B. Croke, R. Morley, A. Emmet-Nobbs.* Sydney, 1990. P. 165–202; *Burgess R.* *The Chronicle of Hydatius and Consularia Constantinopolitana.* Oxford, 1993. P. 182–186.

фического повествования, – таковы пассажи о деятельности Григория Назианского (а.380), о творчестве и кончине Иеронима Стридонского (а.392.2), о деятельности Иоанна Златоуста (единственный случай в «Хрониконе», когда такого рода рассказ разбит на два пассажа, помещенных под разными датами, – а.398.3; 403.3), об обнаружении пресвитером Лукианом останков первомученика Стефана (а.415.2), об обретении головы Иоанна Крестителя (а.453.1-4), о гонениях на католиков, развернутых вандальским королем Гунериком (а.484.2-4), и об упомянутых выше преследованиях Анастасием I епископов Иллирика (а.516.3). По своему уникален историко-топографический рассказ хрониста о городе-крепости Дара в Месопотамии (а.518.3-4), возможно, восходящий к одному из сочинений Марцеллина, о которых упоминает Кассиодор²¹. Марцеллин не полемизирует с предшественниками по поводу толкования и датировки событий, в его труде нет хронологических перечней, цитат из авторитетов, коротких комментариев с дискуссионным зарядом, – т.е. элементов аналитической организации текста, которые будут позже характерны, например, для Григория Синкелла. Иными словами, «Хроникону» присущи скорее признаки не исследования, а литературного произведения, где присутствует лишь *тенденция* к дистанцированию от тематического характера изложения исторических событий, а не отказ от него. По моему мнению, это свидетельствует о весьма серьезной ориентации хрониста не только на формирующиеся христианские, но и на античные историко-литературные принципы.

Поэтому даже отсутствие у Марцеллина наглядных попыток обнаружить в конкретных событиях истории реализацию воли Бога (характерное также для Евсевия и Иеронима), свидетельствует, на мой взгляд, не о пропаже интереса к причинно-следственным связям в истории, а о переживании христианской хронистикой начальной стадии своего развития, стадии квантитативной, для которой было характерно наращивание приемов накопления фактологического материала и способов его организации.

Позволив себе в отношении работы Кроука ряд замечаний как частного характера (касающиеся конкретного материала комита Марцеллиан), так и общего (относительно сущности и форм позднеантичного летописания), оговорюсь, что они несут, в основном, дискуссионную нагрузку. Монография австралийского исследователя является, несомненно, существенным вкладом в развитие нашего понимания как историко-культурного фона для первых опытов христианской хронографии, так и конкретных механизмов и результатов этих опытов. Не говоря уже о том, что Кроук еще раз подтвердил свое реноме лучшего на сегодняшний день знатока такого памятника как «Хроникон» Марцеллина.

²¹ См: Croke B. Marcellinus on Dara. A Fragment of His Lost *de temporum qualitatibus et positionibus locorum* // Phoenix. 1984. Vol. 38. P. 77–88.